

Милана Усманова

ничего личного,

ПОСЛЕ РАЗВОДА

это просто бизнес

Милана Усманова

После развода. Ничего личного, это просто бизнес

<https://litres.ru/74014331>

SelfPub; 2026

Аннотация

Успешный архитектор Юлия Захаровна теряет всё в один день. Партнёр по проекту подставляет её, и исчезает за границей.

Муж, вместо поддержки, подаёт на развод, а его любовница выживает детей из квартиры. Чтобы не сесть в тюрьму, Юле придётся отдать всё, и ещё остаться должной... Но не это главное, важно другое - она на свободе, её умения и знания при ней, и она непременно справится со всеми трудностями, начнёт всё с нуля и вернёт себе доброе имя.

И когда через пять лет бывший муж окажется напротив неё за столом переговоров, ему придётся играть по её правилам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Милана Усманова

После развода. Ничего личного, это просто бизнес

Глава 1

Точка невозврата

В пятницу утром я пришла на работу на двадцать минут раньше. Хотела допить кофе в тишине и пройтись по смете для жилого комплекса «Речной». Смета была кривая, цифры не сходились, и я уже вторую ночь засыпала с калькулятором на подушке. Кофе остыл, пока я меняла позицию по фасадному остеклению, и тут зазвонил внутренний.

— Юлия Захаровна, зайдите к Геннадию Павловичу.

Секретарша Люда говорила тем особым голосом, которым в нашем холдинге сообщают либо о повышении, либо о том, что кого-то пора хоронить заживо. Я, стараясь отогнать дурные мысли, отхлебнула холодный кофе, закрыла ноутбук и пошла.

Кабинет Геннадия Павловича располагался на седьмом этаже. Шикарное помещение из стекла, полированного дуба и вида на набережную. Поднимаясь в лифте, размышляла о смете. Это была моя ошибка. Надо было думать о том, поче-

му Виктор Дроздов, мой партнёр по проекту, вчера не пришёл на планёрку и не ответил ни на одно сообщение.

У Геннадия Павловича сидели двое: наш штатный юрист Костин с папкой, которую он прижимал к животу, будто она могла убежать, и незнакомый мужчина лет пятидесяти в хорошем сером костюме.

— Садитесь, Юлия Захаровна, — сказал Геннадий Павлович. Он не предложил кофе, не предложил воды. Смотрел куда-то мимо меня, в район левого плеча. — Познакомьтесь, это Валерий Игоревич Тёмкин, представитель компании «Гранит-Инвест».

Тёмкин кивнул, не вставая. Я села.

Следующие сорок минут я слушала, как рушится моя жизнь, и при этом сидела очень прямо, на каком-то подсознательном уровне не позволяя себе ссутулиться, не позволяя себе выглядеть в их глазах жалко.

Суть была такая. Проект торгового центра «Панорама», который мы вели с Виктором последние полтора года, оказался не просто провальным. Под видом закупки строительных материалов через подрядчиков были выведены восемьдесят шесть миллионов рублей. Все платёжные поручения шли за двумя подписями: моей и Виктора. Только вот Дроздов исчез. А я сидела на жёстком стуле и смотрела на копии документов, где стояла моя электронная подпись под каждым переводом.

— Мы не обвиняем вас напрямую, — сказал Тёмкин, и

в этой фразе слово «напрямую» звучало как приговор. — Но «Гранит-Инвест» понёс убытки. Мы будем вынуждены обратиться в правоохранительные органы.

Я открыла рот, чтобы сказать, что не подписывала половину этих документов, что подпись электронная и её может использовать кто угодно с доступом, что Виктор последние два месяца единолично общался с подрядчиками. Но Костин положил передо мной ещё одну бумагу, внутренний приказ холдинга, по которому именно я была назначена ответственной за финансовые операции по проекту. Под этим приказом стояла моя подпись. Виктор, скорее всего, подsunул мне его в стопке каких-то документов, назойливо жужжа, что ему надо “вот прям щас”, когда я торопилась за детьми, потому и подмахнула не глядя.

Геннадий Павлович сидел молча. Он знал Виктора двадцать лет, он привёл его в холдинг. Сейчас босс смотрел мимо меня и молчал.

— Я свяжусь со своим адвокатом, — стараясь, чтобы голос не дрожал, спокойно сказала я, хотя всё внутри сжималось от страха и панического ужаса. — На время разбирательства я готова сотрудничать.

Тёмкин снова кивнул, Костин спрятал глаза. Я вышла из кабинета, дошла до женского туалета, заперлась в кабинке и просидела, наверное, с четверть часа, сжимая зубы так, что потом болела челюсть.

* * *

Олегу я позвонила из машины. Руки подрагивали, и я сначала набрала неправильный номер, попав в химчистку. Со второй попытки дозвонилась.

— Мне нужно, чтобы ты был дома вечером. Произошло кое-что серьёзное.

— Опять работа? — в его голосе прозвучало лёгкое раздражение, но такое домашнее, как жирное пятно на кухонном полотенце, которое давно перестал замечать.

— Мне грозит уголовное дело.

Пауза длилась бесконечные секунды.

— Буду после восьми, — отрывисто сказал он и повесил трубку.

Муж пришёл в половине девятого. Дети уже спали. Лёшке было семь, Соне четыре. Я сидела на кухне перед остывшим чаем и папкой с копиями документов, выданные мне Костиным. Олег, не сняв куртки, сел напротив. Я рассказывала подробно, по пунктам, как привыкла на совещаниях. Виктор, подрядчики, электронная подпись, Тёмкин, правоохранительные органы.

Олег перебил:

— Сколько?

— В смысле?

— Сколько с тебя хотят?

— Полную сумму. Плюс неустойка по договору. Итого может выйти за сто двадцать миллионов.

Он откинулся на спинку стула. Провёл ладонью по лицу

снизу вверх, жест, знакомый мне уже четырнадцать лет. Так он делал, когда проигрывала его любимая команда, когда ломалась машина, или тёща звонила не вовремя. Вот только для нашего рухнувшего мира жест был мелковат.

— У тебя есть доказательства, что ты не при делах?

— Косвенные. Мне нужен хороший адвокат и время.

— Время, — повторил он, будто пробуя слово на вес. — Ладно, разберёмся.

Встал, наконец-то снял куртку, повесил на крючок в прихожей и ушёл в ванную. Я сидела и слушала, как льётся вода, про себя думая, что всё будет нормально. Муж сказал «разберёмся». «Мы» разберёмся. Надежда робким огонёчком вспыхнула внутри.

* * *

«Мы» продержалось одиннадцать дней.

За эти одиннадцать дней я нашла адвоката. Игорь Валентинович Марченко специализировался по экономическим преступлениям, первая консультация обошлась в сорок тысяч рублей. Он сказал, что дело плохое, но не безнадёжное. Нужно доказать, что электронной подписью пользовался Виктор. Нужно найти самого Виктора. Требуются деньги на экспертизы, запросы, работу детективов. Много денег.

На двенадцатый день, во вторник, Олег вернулся с работы сильно раньше обычного, в четыре часа. Я работала из дома, поскольку в офис ходить стало невыносимо, коллеги смотрели с тем особым состраданием, которое хуже откры-

той неприязни. Муж сел на диван в гостиной, положил на стол конверт и сказал:

— Мне нужно, чтобы ты это прочитала.

В конверте лежало заявление о расторжении брака. Я прочитала его дважды.

— Ты шутишь...

— Не шучу. Послушай, — он наклонился вперёд и сложил руки перед собой, как на деловых переговорах. Четырнадцать лет брака и вот он сидит передо мной, как заказчик на презентации. — У тебя уголовное дело. У меня контракты с двумя министерствами и мэрией. Мне каждый квартал проверки устраивают, комплаенс, аффилированность, репутационные риски. Если всплывёт, что моя жена проходит по делу о мошенничестве на восемьдесят шесть миллионов, мне закроют допуск к госзаказам. Я потеряю всё.

Он говорил ровно, без нажима, и от этого было ещё хуже. Будто объяснял подрядчику, почему сдвигаются сроки.

— И второе, — продолжил он. — Машина, техника, мебель — всё, что мы покупали в браке, это совместно нажитое. Когда по твоему делу начнут взыскание, приставы придут описывать имущество. И заберут половину того, что в квартире. Включая Лёшкин дорогой компьютер, между прочим. Если мы разведёмся сейчас, я сохраню это для детей. Как же хорошо, что квартиру я купил до брака, — негромко добавил он, вонзив мне в сердце шип, пробив насквозь.

Логика. Муж подавал это как логику. Как благородный

поступок ради детей. И знаете, что самое мерзкое? На секунду я ему поверила. На одно короткое мгновение его версия показалась мне разумной, потому что он говорил спокойно, с той интонацией надёжного мужчины, весь наш брак работавшая на мне безотказно.

Потом секунда прошла, у меня зазвенело в ушах. Не от слов, а от того, как аккуратно, как продуманно всё было выстроено. Заявление с точными формулировками уже напечатано. Он подготовился. Значит, решение было принято не сегодня. Может, на второй день. Может, на третий. Пока я рылась в документах и искала адвоката, он сидел рядом, говорил «разберёмся» и параллельно готовил мне конверт.

— А дети? — дрожащим голосом спросила я.

— Дети останутся со мной. Во всяком случае, пока ты не решишь свои вопросы. Потом, конечно, если всё наладишь, вернёшься за ними.

Пока я не решу СВОИ вопросы. Мои вопросы, уже не наши. И вернусь не "к нам", только лишь за детьми.

Я должна была закричать, швырнуть конверт ему в лицо. Или хотя бы заплакать. Но я сидела и смотрела на его руки, сложенные перед грудью, на обручальное кольцо, которое он пока не снял, и думала одну тупую мысль: надо забрать из химчистки его пальто, послезавтра обещали похолодание. Мозг отказывался перестраиваться. Четырнадцать лет - это инерция, которую не остановить за секунду.

— Я не подпишу, — выдохнула наконец.

— Юля, ты всё подпишешь, - и, резко встав, вышел из комнаты. А я осталась сидеть с конвертом в руках и дурацким пальто в голове.

* * *

Адвокат Марченко позвонил через неделю и сказал, что Виктора нашли. Вернее, нашли его жену, которая сообщила, что Виктор Дроздов три дня как вылетел в Черногорию на лечение и вернётся «когда поправится». Что именно у него болит, жена уточнять не стала.

— Это плохо? — спросила я.

— Это ожидаемо, — ответил Марченко. — Он не вернётся. У него там, насколько я выяснил, недвижимостью, оформленная на тещу. Мужик подготовился.

Все готовились: Дроздов к подставе и бегству, Олег к разводу. А я готовилась к совещанию по «Речному» и считала кривую смету.

«Гранит-Инвест» подал гражданский иск. Параллельно следователь возбудил уголовное дело по статье о мошенничестве. Марченко уверял, что до суда можно договориться о компенсации, и тогда уголовное, возможно, удастся закрыть. «Возможно» - ключевое слово, изрядно потрепавшее мне нервы, добавившее седых волос.

Сумма компенсации после переговоров составила шестьдесят два миллиона. Я произносила эту цифру вслух, стоя перед зеркалом в ванной, и она каждый раз звучала одинаково нереально.

Родительская квартира на Ленинском ушла за девятнадцать с половиной миллионов. Дачу в Малаховке, которую отец строил два года и где пахло сосновыми досками даже зимой, удалось продать за восемь. Машина ушла за два семьсот. Оформила потребительский кредит в размере семи миллионов, а остальные двадцать четыре миллиона восемьсот тысяч... Скрепя сердце, я поехала к единственному человеку, который мог мне дать подобную сумму. Это был Михаил Меньшиков, старый заклятый друг моего отца.

Михаил Аркадьевич был из тех людей, про которых папа говорил: «Обаятельный сукин сын». Когда-то они вместе начинали: проектное бюро в девяносто втором, два стола в арендованном подвале на Таганке. Через два года Меньшиков вывел все заказы на свою фирму, а отцу оставил долги и арендный договор. Потом они помирились. Не по-настоящему, конечно, просто перестали избегать друг друга на общих застольях. Отец мог выпить с ним, но мне сказал ровно один раз: «Мишка своих сдаёт. Запомни и никогда к нему не ходи». Отца уже нет пять лет, и я собиралась нарушить когда-то данное ему слово.

- Пап, прости меня, пожалуйста. Но я думаю не о себе, о Лёше и Соне. Нельзя, чтобы об их матери говорили плохо, и я не хочу, чтобы их воспитал Олег.

Меньшиков принял меня в квартире на Остоженке, невероятных размеров, с потолками под четыре метра и видом на Храм Христа Спасителя. Усадил в кожаное кресло, служан-

ка налила мне чай в тонкую чашку, а после, когда нас оставили одних, внимательно меня выслушал. Лицо у него было круглое, добродушное, из тех лиц, которым хочется верить. Отец тоже когда-то поверил.

Когда я закончила, Михаил Аркадьевич помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику и назвал условия. Двадцать четыре восемьсот под пять процентов годовых сроком на пять лет. Просрочка и процент удваивается. И даже согласился всё оформить через нотариуса.

Пять процентов годовых не так уж и плохо. Я ждала худшего, ведь рыночные ростовщики берут по два-три в месяц. Меньшиков, видимо, прочитал это на моём лице, потому что усмехнулся и сказал:

— Не смотри так. Всё так, как должно быть. Ты дочь Захара и этим всё сказано.

На обратном пути в метро я стояла, вцепившись в поручень, и считала: банку восемьдесят пять тысяч; Меньшикову пятьсот шестнадцать, из них сто три проценты, остальное тело долга. Будущая аренда тысяч пятьдесят минимум. Еда, садик, продлёнка, одежда, лекарства. Выходило больше семисот тысяч в месяц, чтобы просто не утонуть.

В пятницу утром Олег прислал сообщение: «Забери вещи до воскресенья. Лёша и Соня будут у моей мамы на выходных, так что собирайся спокойно».

Собирайся спокойно. Какой ж ты, Олег, предатель и трус. Мы с ним довольно быстро развелись, сейчас я была сво-

бодна, осталось лишь закрыть вопросы с "Гранит-Инвест", начать работать, чтобы снять квартиру побольше и забрать детей себе. Вариант вернуться к Олегу я даже не рассматривала, я не могу жить с таким человеком. Впрочем, он и не звал меня назад.

Первый месяц я провела у Наташи, своей лучшей подруги, которая без вопросов протянула мне руку помощи. Спала на раскладушке в её кабинете среди стопок бухгалтерских папок, вставала в шесть и до девяти обзванивала всех, кого знала по отрасли. Бывшие коллеги, подрядчики, заказчики, с которыми когда-то работала в холдинге. Большинство брали трубку, но вежливо сливались. «Юля, сейчас не лучшее время», «Перезвоню на неделе», «У нас всё закрыто до весны». Слух о деле с «Гранит-Инвест» разлетелся по рынку быстро, и моё имя стало неким "рэд флагом" для многих.

На двадцать третий день позвонил Лев Борисович Гинзбург, владелец небольшой строительной компании «Терра». Мы пересекались два года назад на объекте в Строгино, я тогда переделывала за другим архитектором фасадные решения, и Гинзбург запомнил, что я сдала работу на неделю раньше срока.

— Юлия Захаровна, у меня участок в Новой Москве. Четыре таунхауса, проект и авторский надзор. Бюджет скромный, зато предоплата тридцать процентов. Возьмётесь?

Бюджет был действительно скромный, всего два миллиона четыреста за весь проект. Для ведущего архитектора

крупного холдинга это была бы оскорбительная сумма. Для женщины, спящей на раскладушке у подруги с долгом в тридцать два миллиона, это были деньги.

— Возьмусь, — без тени сомнений согласилась я.

Предоплата поступила через четыре дня. Я отдала сто тридцать пять тысяч Меншикову, восемьдесят пять тысяч банку и в тот же вечер поехала смотреть квартиру. Двушка на Дмитровской, первый этаж, окна во двор. Пятьдесят два метра, старые, выцветшие обои в цветочек, такая же старая газовая плита и батареи, которые едва-едва грели. Арендодатель хотел пятьдесят пять тысяч в месяц. Я сказала «сорок пять» и протянула деньги, он взял и согласился.

Последние две недели Олег начал навязчиво меня донимать, чаще писал в мессенджере, но разок даже позвонил. И каждый раз спрашивал одно и то же: «Ты же решила свою проблему, так когда заберёшь детей?», «Мне нужны конкретные сроки», «Соня капризничает, ей нужна мать». Даже в сообщениях я чувствовала, насколько ему не терпится поскорее сбыть малышкой с рук.

"Юль, ну сколько можно? Я устал от этого детского сада и вечного: папа то, пап сё".

И вот я нашла подходящее жильё в приемлемом районе, и в тот же день написала бывшему мужу, что в субботу приеду за детьми.

— Можешь пораньше? Часов в девять?

— Могу. Но что за спешка?

— У меня планы.

Я ответила «хорошо» и повесила трубку, вернувшись к чертежам таунхаусов Гинзбурга.

В субботу я приехала к обусловленному часу. Поднялась на четвёртый этаж, позвонила в дверь своей бывшей квартиры.

Но открыл мне вовсе не Олег.

На пороге замерла девушка лет двадцати пяти. Высокая, светловолосая, в шёлковом халате, накинутом поверх пижамы. Незнакомка картинно прислонилась к дверному косяку и небрежно на меня уставилась.

— Вы Юля? Олег сказал, что вы заедете за вещами.

— За детьми, — резко поправила я. — Позови Олега.

— Он в душе. Проходите, подождите в прихожей, - и посторонилась, пропуская меня внутрь. В прихожей пахло чужими духами, на вешалке висела женская вырвиглазно-розовая куртка с меховым капюшоном в тон. На полке для обуви стояли кроссовки, туфли на шпильке, модные сабо.

Надо же, как быстро Олег нашёл мне замену. Впрочем, возможно, он начал изменять мне давным-давно.

Из детской выбежал Лёшка, уже одетый с рюкзаком в руках. Дочка следом за ним, в одном носке и майке, с нечёсанными волосами.

— Мама!

Я присела, обняла обоих, и Соня вцепилась мне в шею так, что я почувствовала, как у неё колотится сердце.

— Собирайтесь, мы едем домой.

— Я уже оделся, - гордо ответил сынок.

— Умничка. Соня, неси свои вещи, я тебе помогу.

— А мы поедem к нам домой? — спросила дочка.

— Да, в наш новый дом.

Вскоре из ванной вышел Олег. Увидел меня и на секунду на его лице мелькнуло что-то вроде облегчения. Он был рад, что дети уезжают, теперь ему никто не помешает по полной насладиться обществом кукольной блондинки.

— Юль, там Сонины вещи в пакете на балконе. И Лёшкины учебники я в коробку сложил. Забери всё, чтобы лишний раз меня не тревожить.

— Снеси всё вниз, не сломаешься, — ледяным тоном отчеканила я и, взяв детей за руки, шагнула за порог. Пока спускались по лестнице, Лёшка тихо со мной поделился:

— Эта Жанна попросила папу, чтобы он нас выгнал, я слышал, как она ему это говорила. Жаловалась ему, что ей надоело спотыкаться об наши игрушки, и что она не нанималась быть няней. И что если он хочет быть с ней, пусть решает вопрос.

Я крепче сжала его ладонь и, взяв Соню на руки, поспешила вниз. На улице моросил дождь, такси уже ждало у подъезда. Через минуту к нам выскочил запыхавшийся Олег с коробкой зажатой в одной руке и пакетом в другой. Молча загрузил поклажу в багажник и, не попрощавшись с собственными детьми, был таков.

Вечером, когда дети уснули, я вышла на кухню, села за стол и открыла блокнот.

От предоплаты за первый проект почти ничего не осталось. Значит, нужна подработка, желательно даже две, я буду делать их параллельно. Спать по четыре часа, чертить по ночам, а днём торчать на объекте Гинзбурга.

Задумчиво постучав ручкой по столу, зачем-то на полях написала ещё одно слово.

«Феникс».

Я непременно выстою и именно так будет называться моё бюро. Я верну себе место под этим обжигающим солнцем. Другого вариант просто нет.

Глава 2

Пять лет в тени

Первые три месяца я помню урывками: отдельные кадры, между которыми провалы. Утро начиналось в пять, когда за окном ещё стояла чернильная темень и фонарь на углу мигал оранжевым, будто извиняясь, что светит так тускло. Я варила кофе в турке на убитой газовой плите, выпивала стоя, листая на телефоне вчерашнюю переписку с подрядчиками Гинзбурга. К семи будила Лёшку, он завтракал сам, повзрослому намазывая масло на хлеб, а я в это время одевала сонную Соню, которая капризничала и не хотела натягивать колготки. Сначала отводила дочку в садик, по быстрому захватывая её в группу, целовала в макушку, после мы бежали в школу (пришлось сына перевести в другую, поближе к новому дому), и стрелой на маршрутку до объекта в Новой Москве.

Днём я торчала на стройплощадке Гинзбурга. Четыре таунхауса росли медленно, субподрядчики косячили с разбивкой осей, и мне приходилось перепроверять за ними каждый вынос. Лев Борисович ворчал на рабочих, хвалил меня и угощал термосным чаем, от которого потом слегка горчило во рту. Возвращалась к пяти, забирала Лёшку с продлёнки, затем Соню, кормила детей, давала им поиграть, посмотреть мультики, в девять укладывала спать. После чего начиналась

моя вторая смена.

Фриланс я нашла через старого однокурсника Пашку Лурье, который держал визуализаторскую контору и вечно не успевал по срокам. Пашка скидывал мне рендеры интерьеров для застройщиков: «Юль, надо к утру, заплачу пятнашку». Пятнадцать тысяч за ночь без сна. Я соглашалась. Сидела за ноутбук на кухне, подключала старенькую мышку, которая то и дело теряла связь, и чертила до двух, до трёх, иногда до четырёх утра. Потом ставила будильник на пять и ложилась, зная, что через час опять турка, опять фонарь, опять колготки.

Стиралка сломалась через месяц, арендодатель сказал, что ничего чинить не будет, машинка была рабочая и вообще почти новая. Сил спорить с ним у меня не было, как и нервов, поэтому я начала стирать руками в ванной, по вечерам, пока грелся чайник, развешивала бельё на верёвке, протянутой от трубы до крючка на стене. Лёшкина школьная рубашка сохла до утра и пахла сыростью. Однажды он пришёл из школы и сказал, что одноклассник спросил, почему от него воняет подвалом. В тот вечер я нашла на Авито стиральную машинку за четыре тысячи, полуживую, с треснувшим лотком для порошка. Привезла на такси, затащила с помощью соседа. Машинка гудела при отжиме так, что вздрагивала посуда в шкафу, но рубашки после неё пахли порошком, а не подвалом. Лёшка больше не жаловался, и я выдохнула с облегчением.

Соня заболела в ноябре. Температура под сорок, кашель такой, что я слышала его из кухни через закрытую дверь. Врач из поликлиники выписал антибиотик и сказал: «Мамочка, ребёнку нужен покой и тёплое помещение». Батареи грели еле-еле, я купила масляный обогреватель и поставила его у Сониной кровати. Электричество за тот месяц вышло в одиннадцать тысяч, почти четверть аренды. Я чертила ночью с дочкой на коленях, потому что она просыпалась, плакала и засыпала только у меня на руках.левой рукой держала ребёнка, правой двигала мышку.

И рендер я сдала в срок.

Алименты от Олега приходили исправно, но смотреть на эту сумму без горечи я так и не научилась. Девять тысяч рублей на двоих детей – треть от дохода самозанятого с декларацией в двадцать семь тысяч. А всё остальное шло мимо налоговой.

Девять тысяч.

Один ужин в «Белуге», куда он водил Жанну, стоил куда дороже. Его алименты не покрывали даже половины Сониного садика.

Наташа, узнав о сумме, вцепилась в меня мёртвой хваткой:

— Подай на алименты от реального дохода. Он же прячет деньги, это видно невооружённым глазом. Новая машина, рестораны.

— Наташ, для этого нужен адвокат. Экспертиза его дохо-

дов, запросы в налоговую, суды. Минимум полгода и десятки тысяч расходов. У меня таких денег банально нет.

— Займи.

— Я и так должна тридцать два миллиона. Мне больше не у кого занимать.

Наталья понуро замолчала. Она знала, что я права, и от этого злилась ещё сильнее. Я сохранила все скриншоты Олеговых переводов в отдельную папку в телефоне. Когда-нибудь эта папка мне пригодится. А ещё я не забыла и съездила за Лёшкиным компьютером. Бывший вонял, что у него он будет сохраннее, но на довод, что всё же комп был куплен на мои деньги, не нашёлся, что возразить и неохотно уступил.

Сын после выходных у отца возвращался молчаливый. Вещи складывал сам, рюкзак вешал на крючок, садился делать уроки и ни слова. Я не лезла, давала ему время. Потом, за ужином, он ронял по кусочку: папа купил новую машину, большую, чёрную; у тёти Жанны теперь красивая маленькая собака, но злая и лает на всех. Рассказал, что они съездили в Сочи на неделю, жили в отеле с бассейном. В папином офисе теперь пять комнат и секретарша.

Я слушала, резала хлеб и раскладывала по тарелкам гречку с котлетой, стараясь не сорваться и не начать бить, кидая на пол и в стену, эти чёртовы старые тарелки.

Официальный доход Олега составлял двадцать семь тысяч рублей. Самозанятый. Минимальные алименты. Всё законно, ни один суд не подкопается, пока не докажешь обрат-

ное. А чтобы доказать, нужны деньги, которых нет. Замкнутый круг какой-то...

Через полгода после Гинзбурга мне позвонил незнакомый человек и сказал, что видел таунхаусы в Новой Москве.

— Юлия Захаровна, мне дал ваш номер Лев Борисович. У меня ресторан на Покровке, хочу переделать фасад и интерьер. Бюджет обсудим.

Его звали Руслан Маратович, и бюджет у него оказался вчетверо больше, чем у Гинзбурга. Я приехала на встречу, одевшись поприличнее, посмотрела помещение, задала пару десятков вопросов и за вечер набросала три концепции. Руслан выбрал вторую, подписал договор и перевёл аванс в тот же день.

Именно в этом договоре, в шапке, впервые значилось: «ИП Юлия Захаровна Сомова, архитектурное бюро "Феникс"». Я зарегистрировала его за неделю до этого, сидя в очереди в налоговой между пенсионеркой, оформлявшей самозанятость на продажу варенья, и парнем в худи, открывавшим барбершоп. Название я выбрала давно. Оно ждало своего часа на полях блокнота и вот его время пришло...

Ресторан на Покровке я закончила за два месяца. Руслан Маратович остался доволен и рекомендовал меня двум знакомым. Один хотел перестроить загородный дом, другой открывал клинику в бывшем цехе на «Бауманской». Маленькие проекты, негромкие. Но они шли один за другим, и впервые за год платежи Меньшикову и банку перестали быть еже-

МЕСЯЧНЫМ ПОДВИГОМ.

Глава 3

Стало полегче с деньгами и я начала покупать детям нормальные продукты, не только гречку, макароны, овсянку и куриное филе с рынка. Стала брать говядину, цветную капусту и брокколи раз в неделю, сливочное масло хорошей жирности, сыр и колбасу. Соня обожала сырники, и по воскресеньям я жарила их и подавала со стущёнкой и повидлом.

Тот четверг начался просто прекрасно. Заказчик клиники на «Бауманской» утвердил проект с первого раза, без правок, что бывает примерно так же часто, как снег в сентябре. А ближе к вечеру Пашка Лурье прислал оплату за три последних визуализации разом, мой счёт пополнился на приятные сорок пять тысяч. И детей по моей просьбе со школы и садика забрала Наташа, она же с ними и посидит, пока я спокойно поработаю над проектом загородного дома где-нибудь в скромном коворкинге.

Я вышла из метро на «Дмитровской» после восьми. Темнело рано, середина декабря, фонари уже горели. Решила зайти в «Пятёрочку» за продуктами, зная, что утром доели последний хлеб.

Застряла у холодильника с молочкой, выбирая между кефиром за пятьдесят девять и за семьдесят два рубля. Разница всего тринадцать рублей. Не так давно я бы даже не посмотрела на цену, взяла бы подороже. Теперь же цена имела

для меня значение. Хотя дела шли лучше, привычка считать каждый рубль въелась намертво, как запах сырости и плесени в стены съёмной квартиры.

Я потянулась за тем, что был подешевле, когда услышала за спиной:

— Юля? Господи, Юля, ты ли это?!

Голос я узнала сразу же. Есть голоса, которые сидят в теле, как заноза: не болит, пока не тронешь.

Галина Петровна, моя бывшая свекровь. Она ни разу не позвонила мне, чтобы просто... А чтобы что? Мне грозила тюрьма, так что... Наверное, она боялась испачкаться от одного разговора со мной.

Я не спеша повернулась. Женщина стояла в метре от меня, с корзинкой в руке, в тёплом зимнем пальто цвета топленого молока, с аккуратной укладкой и маникюром. Выглядела так, будто зашла в «Пятёрочку» по ошибке, перепутав с «Азбукой вкуса». На лице нарисовано доброжелательное любопытство с лёгкой примесью превосходства. Я помнила это выражение по семейным обедам, когда она комментировала мою стряпню: «Вкусно, Юлечка, но чуть переперчила».

— Здравствуйте, Галина Петровна.

Она окинула меня взглядом ещё раз, сверху вниз. Куртка третий сезон, ботинки со стёртыми каблуками, волосы в хвосте. Я знала, что она видит, и мне было плевать. Я старалась, чтобы мне было плевать.

— Ты сильно похудела, — заметила она, правда, без вся-

кого сочувствия.

— Работаю много.

— Ну да, ну да. Олег говорил, что ты что-то там открыла, бюро какое-то.

— Архитектурное бюро «Феникс», — ответила я ровно.

— Если Олегу интересно, может посмотреть в интернете.

— Ну молодец, — Галина Петровна поджала губы, явно про себя думая: «Не верю, что из этого выйдет толк, однодневка, быстро закроешься». — И вообще хорошо, что ты разобралась с тем своим делом, — многозначительно помолчала, — а то как бы росли дети, если бы тебя упекли... Эм-м, ну, это уже неважно, да? Жаль только, что всю недвижимость твоих родителей пришлось распродать, замечательную квартиру, шикарную дачу. Считай, детей наследства лишила...

Она даже слова не дала мне вставить, впрочем, я и не думала перед ней оправдываться.

— Юля, я тебе вот что скажу. Ты, конечно, сама во всём виновата. Женщина должна заниматься домом, детьми, а не лезть в мужские дела с контрактами на миллионы. Вот и получилось то, что получилось.

Я поставила кефир за пятьдесят девять обратно на полку. Взяла за сто пятьдесят. И снова повернулась к ней.

— Галина Петровна, ваш сын подал на развод, когда мне грозила тюрьма. Оформил алименты в девять тысяч рублей на двоих детей. Поселил любовницу в квартиру, где жили Лёша и Соня. А когда подружке надоели игрушки на полу,

он стал мне названивать с просьбой забрать детей побыстрее. Это вы называете «мужские дела»?

У неё дрогнули губы. За столько лет брака я ни разу не повысила на свекровь голос, ни разу не возразила на её замечания про пересоленный суп и ненаглаженные рубашки. Удобная, тихая Юля... кончилась.

— Ты не понимаешь! — начала она.

— Я прекрасно всё понимаю. Говорят, зачастую – дети отражение их родителей... У вас что-нибудь ещё?

Галина Петровна переложила корзинку из руки в руку, помолчала.

— Нет, не всё, — её и без того тонкие губы превратились в ниточку. — Олег продаёт квартиру и переезжает в Петербург, там уже купил офис, начнёт новое дело. Жанна, конечно же, отправится с ним. Она куда лучше воспитана, чем ты, Юля. Стоило тебе опуститься на дно, как полезло голимое хамство! Ладно... В общем, сказала тебе, чтобы ты была в курсе.

А я сделала другой вывод из этой глупой тирады: воскресный папа отменяется! Ну и слава богу! Баба с возу – кобыле легче!

— Всего доброго, Галина Петровна, — никак не отреагировав на её победный взгляд, я пошла прочь.

— И тебе, Юлечка. Береги себя, а то ты совсем плохо выглядишь.

Я взяла ещё хлеб, колбасу и, расплатившись на кассе, вы-

шла на улицу. Зимний ветер ударил в лицо, мокрый, с крошкой льда. Дошла до двора, села на лавочку у подъезда. Поставила пакет на землю. Рядом с лавочкой сидела рыжая кошка и вылизывала лапу.

Всхлип вырвался сам собой, раздирая горло.

Сначала задрожал подбородок, потом защипало в носу, потом что-то лопнуло внутри, не как воздушный шар, а как труба, державшая давление долгое время, и наконец не выдержавшая.

Меня вдруг так накрыло! И я не стала больше удерживать давно заглушаемые эмоции и завывала, заревела так, что кошка испуганно метнулась прочь. Я плакала вовсе не красиво, не как в кино, где героиня отворачивается к окну и по щеке скатывается одинокая слеза. Я заходила в голос, с хлюпаньем, вытирая лицо рукавом куртки, размазывая сопли... Из окна первого этажа выглянула соседка, постояла секунду и задёрнула шторы.

Я плакала не из-за свекрови. Не из-за её слов и поджатых губ. Не из-за квартиры, которую Олег продаёт. Не из-за жалких алиментов. И даже не из-за того, что я лишила детей недвижимости, оставленной моими родителями.

Я плакала, потому что устала.

Бесконечная борьба за выживание, без передышки, без выходных. Подработки, что шли одна за другой, сумасшедшая сумма долга, выплачиваемая мной ежемесячно... Кефир за пятьдесят девять или за семьдесят два? Клетка обсто-

ательств, в которую я попала не по своей воле. Меня подставили, и никто на прежнем месте работы не встал на мою сторону, а ведь могли... Хотя бы оплатить расходы на адвоката.

А бывшая свекровь стоит в «Пятёрочке» и говорит: «Юлечка, ты совсем плохо выглядишь».

Это длилось минут десять. А потом слёзы кончились так же резко, как начались. Я вытерла лицо перчаткой, подобрала пакет и вошла в подъезд.

Лёшка сидел за столом, делая уроки. Соня играла с Наташей. Сын поднял голову, посмотрел на мои красные, опухшие глаза.

— Мам, ты чего?

— Ветер сильный. Глаза слезятся.

Он кивнул и вернулся к учебнику. Наталья пронизательно на меня поглядела, но промолчала. И спасибо ей за это.

Разобрав продукты, пошла в ванную, переоделась, умыла горящее лицо холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Бывшая свекровь была права: я плохо выглядела. Весьма. Но это пройдёт. Я точно это знала.

Наталья, пожелав нам доброй ночи, вызвала такси и уехала, шепнув:

— Юль, хорошо, что ты поплакала. Я уж переживать начала, что ты задумала что-то плохое, например, с крыши сброситься или под машину кинуться.

— Ну уж нет, — криво усмехнулась я, — я ещё дотянусь до своей звезды. И ни за что не оставлю детей. Они, кроме

меня, больше никому не нужны.

Поужинав, налила себе кефир, села за ноутбук, открыла проект загородного дома и вернулась к чертежам. Взор сам скользнул на упаковку кефира.

Я выбрала тот, что был дороже всех, и это была моя маленькая победа над собой.

Глава 4

Квартиру Олег продал быстро, где-то за месяц. Я могла бы упереться, всё-таки дети были там прописаны, и без моего согласия на выписку несовершеннолетних сделка усложнилась бы. Марченко, когда я позвонила посоветоваться, ответил прямо: «Юлия Захаровна, вы можете потрепать ему нервы, затянуть процесс на полгода. Но квартира добрачная, суд всё равно встанет на его сторону. Вопрос лишь в том, а стоит ли тратить на это силы?». Силы я решила не тратить, их и так оставалось на доньшке.

Проблема была в другом: детям нужна регистрация. Без неё школа, поликлиника, садик перестанут быть доступными. Съёмная квартира на Дмитровской для прописки не годилась, арендодатель Фёдор Ильич на просьбу о временной регистрации замахал руками так, будто я предложила ему прыгнуть с парашютом.

И снова меня выручила Наташа. Вернее, её мама. Тётя Вера, которая уже прописала меня у себя, добавила без всяких вопросов и моих детей. Она знала мою историю, и по-доброму сочувствовала, каждый раз передавая через дочь то пирожки с капустой, то сладкие с ягодами. Когда Наташа позвонила ей и объяснила ситуацию, Вера Сергеевна сказала: «Пусть приезжает с документами, я всё оформлю». Ни одного лишнего вопроса. Мир не без добрых людей, уверена,

таких, как Наталья и Вера Сергеевна, куда больше, нежели подобных моему бывшему мужу и свекрови.

На тринадцатом месяце я впервые задержала платёж Меньшикову. Не потому что не было денег, а потому что деньги пришли шестого, а платить надо было первого. Пять дней просрочки. Я позвонила Михаилу Аркадьевичу сама, не дожидаясь, пока со мной свяжутся его люди.

— Михаил Аркадьевич, простите за задержку. Деньги будут сегодня вечером.

Он ответил спокойным, без тени раздражения голосом:

— Юля, пять дней я подожду, но дальше уже не буду. Ты помнишь условия.

— Помню. Спасибо.

— Вот и хорошо. Передавай привет детям, — и повесил трубку.

Вечером того же дня, как только пополнился мой счёт, я перевела деньги, посмотрела на подтверждение платежа и пообещала себе, что этого больше не повторится. И сдержала слово. Каждое первое число, что бы ни происходило, Меньшиков получал свои пятьсот шестнадцать тысяч. Я могла задержать аренду, могла неделю кормить детей макаронами с маслом, могла отложить покупку зимних ботинок Лёшке до следующего аванса. Но Меньшикову платила в срок, потому что условие о двойном проценте при просрочке превратило бы мою и без того тонкую верёвку в удавку.

Второй и третий год слились в монотонную ленту из чертежей, объектов и платёжек. Я просыпалась, работала, платила долги, укладывала детей и снова работала.

По субботам водила детей в парк, если погода располагала. Воскресные встречи с Олегом, как только он переехал в другой город, прекратились. Лёшка даже стал веселее, прежде от отца он всегда возвращался с поджатыми губами.

Со временем моя история с «Гранит-Инвест» позабылась в архитектурном сообществе, время умеет многое стирать из памяти людей.

«Феникс» рос не спеша, но упрямо. После ресторана на Покровке пошли частные дома, потом небольшой офисный центр в Мытищах, потом реконструкция детской поликлиники по муниципальному заказу. Я наняла первого сотрудника, двадцатилетнюю Дарью, которая чертила быстрее меня и варила отвратительный кофе. Затем взяла инженера Рената, молчаливого татарина с золотыми руками и привычкой насвистывать марши. Мы сидели втроём в крошечной комнате, арендованной в коворкинге на «Менделеевской». По вечерам Даша включала музыку, а Ренат раскладывал на подоконнике свои бутерброды с бужениной, и в эти минуты мне казалось, что жизнь если не наладилась, то хотя бы перестала стремиться в бездну.

На исходе третьего года «Феникс» получил проект, который всё изменил...

Культурный центр в Туле, конкурс среди двенадцати бю-

ро.

И победа стала нашей.

Не потому, что я была лучше всех, а потому, что предложила решение, которого никто не ждал: вместо стандартной коробки со стеклянным фасадом я вписала здание в рельеф холма, сделав крышу продолжением ландшафта. Комиссия проголосовала единогласно. Контракт был в двадцать раз больше моего первого заказа у Гинзбурга.

После Тулы начались публикации в профессиональной прессе. Приглашения на конференции, два интервью для архитектурных журналов. Я наняла ещё четверых сотрудников, переехала из коворкинга в отдельный офис на «Курской», купила нормальные компьютеры и впервые за три года позволила себе новые туфли. Не на распродаже, а по полной цене.

Стояла перед зеркалом в примерочной, смотрела на свои ноги в бежевых лодочках и чувствовала себя глупо, потому что глаза защипало. Из-за туфель. И стоили они одиннадцать тысяч. Я положила их в коробку и пошла к кассе, и Даша, которая потащилась со мной в магазин, негромко заметила: «Юлия Захаровна, ну наконец-то», а я цыкнула на неё, чтобы не позорила меня.

Банковский кредит закрыла на четвёртый год, досрочно. Пришла в отделение, написала заявление, получила справку об отсутствии задолженности и вышла на улицу. Постояла минуту у входа, держа справку в руке. Бумажка формата А4

со штампом. Семь миллионов. Закрыто. Осталось несколько последних платежей Меньшикову.

Последний платёж Михаилу Аркадьевичу я решила сделать прямо у него перед глазами. Приехала на Остоженку, вошла в ту же квартиру с теми же потолками и тем же видом на Храм Христа. Та же служанка налила мне чай в ту же тонкую чашку. Меньшиков сидел в кресле, почти не постаревший за эти годы, разве что волосы полностью стали белыми, он был всё такой же круглолицый и обманчиво добродушный.

— Всё, Михаил Аркадьевич. Двести восемьдесят две тысячи сорок рублей, — я показала ему экран телефона с переводом.

Он посмотрел на смартфон, потом на меня. Тихо усмехнулся.

— Добро, Юленька. Однажды мы с твоим отцом делили гонорар, кажется, в девяносто третьем, и он пересчитал до рубля. Я тогда посмеялся. Зря, конечно.

Старик помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Юля, я тебе вот что скажу. Твой отец был упрямый человек. Я его подвёл, и он мне этого не простил, хотя вида не показывал. Но ты пришла ко мне в сложный период жизни, отринув гордость, попросила о помощи. Захар бы не пришёл. Никогда. Ты оказалась сильнее его, запомни это. Ты заглянула в пасть льву, более того, положила туда свою голо-

ву. И справилась. Не всем по силам каждый месяц платить полмиллиона...

Я забрала нотариальную справку о погашении долга, допила чай и встала. У двери обернулась.

— Спасибо, Михаил Аркадьевич.

— Не за что. Иди работай. Вижу, что успех любит тебя, девочка. Только помни, у каждого успеха хватает завистников.

На улице шёл мокрый снег. Я стояла у подъезда на Остоженке, чувствуя, как снежинки тают на лице, и впервые за пять лет не считала в уме. Ни рубли, ни дни, ни часы до будильника. Голова была пустая и лёгкая, как воздушный шар, у которого, наконец, перерезали верёвку, что удерживала его у земли.

О тендере на зоопарк я узнала через неделю после последнего платежа Меньшикову. Позвонила Даша, захлёбываясь словами:

— Юлия Захаровна, вы видели? Министерство объявило конкурс. Зоопарк нового поколения, без клеток, без решёток, открытые вольеры с природными барьерами. Бюджет проектирования... вы лучше сядьте... Четыре с половиной миллиарда...

Я села, точнее уже сидела. Но всё равно переспросила, едва совладав с эмоциями:

— Четыре с половиной миллиарда?

— Да.

— Без клеток?

— Без клеток. Концепция «естественной среды обитания». Ничего подобного в стране не строили.

Получив конкурсную документацию, открыла и углубилась в изучение, пропав для всех на два часа. Задание было сложным, сроки жёсткими и требования к участникам высокими. «Феникс» проходил по всем формальным критериям, но конкурировать предстояло с компаниями в десять раз крупнее нашей. Ренат, заглянув мне через плечо, присвистнул:

— Юлия Захаровна, это же на годы работы хватит. Всему бюро.

Мы готовили заявку два месяца. Я спала по четыре часа, как в первый год после развода, только теперь не от отчаяния, а от азарта.

Концепция родилась на третью ночь: зоопарк как продолжение городского парка, без видимых границ, где посетитель не понимает, где кончается город и начинается дикая природа. Животные живут в биомах, воссоздающих их естественную среду, а дорожки для посетителей проложены так, что наблюдение происходит на уровне глаз, без заборов, без стекла, за счёт рельефа, водных преград и продуманных расстояний.

Даша чертила планировки, Ренат считал инженерку, двое новых ребят делали визуализации. Я собрала всё воедино

и написала пояснительную записку, скрупулезно подобрав каждое слово.

Звонок раздался в четверг, в два часа дня. Я взяла трубку, уверенная, что это очередной подрядчик по Тульскому центру.

— Юлия Захаровна? Конкурсная комиссия Минстроя. Поздравляем, ваше бюро «Феникс» признано победителем открытого конкурса на проектирование Зоопарка нового поколения.

Я сказала «спасибо», положила трубку и несколько секунд сидела неподвижно.

За стеной Даша хохотала над чем-то, что показывал ей Ренат. За окном сигналили машины. Телефон лежал на столе экраном вверх, и незнакомый номер ещё светился на дисплее.

Четыре с половиной миллиарда.

Я вышла к своим и дрожащим голосом просипела:

— Ребята, мы выиграли.

— Что выиграли? — не сразу поняли они.

— Всё.

Глава 5

Первую неделю после звонка из Минстроя я ходила как пьяная. Не от радости, от масштаба. Четыре с половиной миллиарда. У «Феникса» на тот момент было семь сотрудников вместе со мной, один офис на «Курской». А теперь мне предстояло спроектировать объект, которого в стране не существовало. Зоопарк без клеток, решёток и заборов. Место, где животные живут в условиях, максимально приближённых к естественным, а люди наблюдают за ними, не замечая границ. Звучало как утопия.

Даша от этой новости визжала в офисе так, что из соседней комнаты выглянул арендатор и спросил, не случилось ли чего. Ренат промолчал, но вечером принёс бутылку шампанского и семь пластиковых стаканчиков. Мы выпили, стоя в тесноте между чертёжными столами, и наш инженер произнёс торжественно: «За Юлию Захаровну, которая не сдавалась». Я отвернулась к окну, потому что снова защипало глаза. Дурацкая привычка плакать от хорошего.

К тому времени моя маленькая семья уже переехала с Дмитровской. Как только я закрыла все долги, взялась за поиски нового жилья и вскоре нашла нормальную трёшку на Бауманской. Светлая, с высокими потолками и тихим двором, в десяти минутах от школы. У каждого ребёнка наконец появилась своя комната. Соня тут же увешала стену ри-

сунками, Лёшка перетащил компьютер и закрылся на целый вечер. Я стояла в прихожей, слушала, как дочь напевает за стенкой, и думала: вот оно, то, ради чего я терпела нищету и впахивала сутками напролёт.

Установочное совещание в Минстрое назначили через десять дней. Я готовилась к нему как к экзамену: несколько раз перечитала конкурсную документацию, составила список вопросов на четыре страницы, купила новый пиджак. Он стоил как месяц аренды старой квартиры на Дмитровской, и эту сумму я заплатила без сожалений. Я надела его, подошла к зеркалу и легко улыбнулась. Уверенная в себе и своих силах бизнес-леди.

Зал совещаний на третьем этаже Минстроя был длинный, с окнами во всю стену и овальным столом, за которым уместились бы человек тридцать. Когда я вошла, за столом уже сидели люди: чиновники из министерства, представители заказчика, экологи, зоологи-консультанты, юристы. И строители – люди от генподрядчика, который будет реализовывать мой проект на площадке.

Я была единственной женщиной-руководителем в зале. Заметила это не сразу, поскольку сначала разложила папки, включала ноутбук. Потом подняла голову и поймала несколько взглядов. Любопытство, вежливый скепсис, откровенная оценка. Ничего нового. За пять лет я привыкла входить в комнаты, где ждали увидеть кого-то другого.

Председатель комиссии, замминистра Ковалёв, предста-

вил участников по кругу. Архитектурное бюро «Феникс» – проектирование. Экологическая экспертиза – институт имени Северцова. Зоологическое сопровождение – Московский зоопарк. Генеральный подрядчик – компания «НордСтрой», Санкт-Петербург.

— От генподрядчика сегодня присутствует заместитель руководителя проекта...

Я подняла глаза.

За столом, через четыре человека от меня, разместился...

Олег.

Дорогой тёмно-синий костюм сидел на нём как влитой. Но внешность его всё же изменилась: лицо немного располнело, появилась складка на подбородке, морщины в уголках глаз, в волосах добавилось седины. А вот выражение было то же: спокойная, вежливая уверенность человека, знающего себе цену.

Я смотрела на него, он на меня. В его взгляде не было удивления, значит, он знал, кому принадлежит «Феникс».

— Олег Игоревич Сомов, — закончил Ковалёв.

Бывший муж кивнул залу, и открыл блокнот.

Следующие сорок минут я выступала с презентацией концепции. Моё самообладание меня не подвело, голос не дрожал, руки не тряслись.

Я рассказала про биомы, про природные барьеры, про дорожки, вписанные в рельеф. Про то, как посетитель будет переходить из саванны в тропический лес, не замечая гра-

ниц. Про водные преграды вместо рвов, про перепады высот вместо стен. Зал внимал, зоологи кивали, а чиновники записывали. Олег смотрел в блокнот и изредка поднимал глаза, но не на экран с презентацией, а на меня. И я чувствовала его интерес, оценку меня, как женщины. И мне подобное его внимание категорически не нравилось.

Когда я закончила, Ковалёв покивал довольно: «Впечатляет», – и перешёл к организационным вопросам. Сомов задал два: по срокам и один по бюджету фундаментных работ. Вопросы были грамотные, по делу. Я ответила спокойно, так, будто вовсе не знала этого человека.

Бывший перехватил меня в коридоре после совещания. Я шла к лифту, мысленно прикидывая, какие моменты необходимо проработать до следующей встречи.

— Юля...

Я по инерции остановилась и обернулась. Он стоял в трёх шагах, руки в карманах брюк, пиджак расстёгнут. Поза расслабленная, но глаза смотрят внимательно, буквально прощупывают каждый сантиметр моего тела.

— Я вас слушаю, — кивнула я.

— Зачем на “вы”? Всё же не чужие люди.

Не чужие, ха! Моя маска вежливого интереса едва не треснула.

Столько лет мы не виделись, не разговаривали, не написали друг другу ни одного сообщения. У него были номера Лёши и Сони, и первые два года он действительно звонил.

Раз в неделю, потом раз в две, потом раз в месяц. Спрашивал, как дела в школе, обещал приехать, обещал забрать на каникулы в Питер. Ни разу не забрал, как ни разу не приехал. Лёшка сначала ждал этих звонков, бросался к телефону, рассказывал про оценки, про футбол. Потом стал отвечать односложно, затем с неохотой брал трубку.

Соня какое-то время ещё спрашивала: «Мам, а папа позвонит?». Я отвечала «может быть», и с каждым разом это «может быть» звучало всё тише. К третьему году звонки прекратились совсем. Не было ни объяснений, ни прощания, просто отец забыл о них, и дети перестали его ждать. Лёшка как-то сказал за ужином, ни на кого не глядя: «Мам, можно я удалю папин номер телефона?». Я тогда ответила лишь: «Это твой выбор, решай сам».

И вот теперь «не чужие люди».

— Олег, мы с вами пять лет не разговаривали. Вы своим детям три года не звонили. Мне кажется, «вы» вполне уместно.

— Хм... В общем, — замылся он, — я хотел сказать, что рад за тебя. У тебя всё получилось без всякой помощи. Серьёзно и искренне восхищён твоей работой. «Феникс» — сильное бюро. Тульский проект я, кстати, видел, впечатляет.

— Спасибо.

Пауза. Он переступил с ноги на ногу.

— Хотя ты мне и не поверишь, но... Как дети?

Я издевательски вскинула бровь и уже не сдерживаясь, ти-

ХО хмыкнула.

Как дети.

— Дети в порядке, — ответила односложно.

— Лёшка, наверное, вымахал?

— Олег, если вам интересно, как растут дети, сами им и позвоните. Раз уж находитесь в Москве и, естественно, если у вас есть на это время.

Мужчина нервно дёрнул уголком рта. Но не от обиды, скорее из-за неловкости.

— Ты права, — сказал он ровно. — Я им позвоню. Надеюсь, они не откажутся погулять со мной.

Я пожала плечами и, молча развернувшись, пошла к лифту. Пока двери закрывались, смотрела на всё глядящего на меня Сомова. Он не выглядел счастливым, вовсе нет. Грусть в глазах, сожалеющие складки в уголках губ, морщина между бровей.

Двери закрылись и я обессиленно прислонилась к стенке лифта, прикрыла веки.

Я пять лет выстраивала жизнь по кирпичику, ночь за ночью, платёж за платежом. И вот тот, кто воткнул мне нож предательства в спину, пытается наладить отношения.

Кабина достигла первого этажа, качнулась и остановилась. Я открыла глаза, собралась и решительно покинула здание. На улице было солнечно. Я достала телефон и набрала Наташу.

— Наташ, у меня новости. Генподрядчик будущего зоо-

парка – питерская компания. «НордСтрой».

— И что?

— Олег там работает заместителем руководителя проекта.

Короче, мы теперь будем работать вместе.

Наташа шокировано выдохнула:

— Нифига себе! А он знал о тебе?

— Думаю, да.

— Уверена, этот гад специально напросился в проект! Хочет снова причинить тебе боль!

— Наташ, я не знаю, чего он хочет, но знаю, чего хочу я. Я хочу построить этот зоопарк. И никакой бывший муж мне в этом не помешает.

Глава 6

Работа по зоопарку набрала обороты в ноябре. Первые два месяца были чистым проектированием: мы с командой сидели в офисе на «Курской» и превращали конкурсную концепцию в рабочую документацию. Одно дело – красивые картинки и пояснительная записка, совсем другое – тысячи чертежей, спецификации, расчёты нагрузок, инженерные сети, ливнёвка, электрика, вентиляция вольеров. Я наняла ещё шестерых, в офисе стало тесно, и мы заняли вторую комнату через стену.

Даша руководила чертёжной группой и по-прежнему потчевала всех своим ужасным кофе, который новички пили из вежливости. Ренат считал конструктив и насвистывал марши чуть громче обычного – его версия отличного настроения. Я координировала процесс, ездила на встречи с зоологами и экологами, согласовывала с министерством, отвечала на сотни писем и продолжала чертить сама по ночам, потому что не могла отпустить контроль. Старая привычка, выросшая из страха: если ты не проверишь каждую линию, кто-нибудь обязательно подсунет тебе бумагу, которую ты подмахнёшь не глядя.

С «НордСтроем» мы пересекались на еженедельных совещаниях. Олег присутствовал на каждом. Садился напротив, открывал блокнот, задавал всегда дельные вопросы, и всегда

вежливо. Ни разу за первый месяц не позволил себе и намёка на прошлое. Два бывших супруга обсуждали кубометры бетона и сроки поставки арматуры, и никто за столом ничего не подозревал.

Но Олег не был бы Олегом, если бы ограничился рабочими рамками.

Началось исподволь. После второго совещания он задержался у двери, пропуская меня вперёд, и негромко спросил:

— Кофе? Тут за углом приличная кофейня.

— Нет, мне нужно в офис, — отбрила я.

После третьего догнал у лифта с какими-то бумагами, которые «забыл передать», хотя мог отправить электронкой. Стоял рядом, пока я листала, и я чувствовала навязчивый аромат его нового парфюма.

После четвёртого написал в мессенджер: «Юля, есть вопрос по секции тропического биома. Давай обсудим за обедом?» Вопрос, разумеется, можно было решить письмом в три строчки. Я так и поступила – ответила письмом в три строчки и на обед не пошла.

Он не настаивал, никак не давил. Просто каждую неделю появлялся на полшага ближе, чем позволяла рабочая дистанция. Придержит дверь, подаст папку, задаст вопрос, ответ на который ему не нужен. И каждый раз смотрел так, будто пытался разглядеть за моим деловым пиджаком ту Юлю, которую когда-то знал. Ту, которая варила ему борщи и гладила рубашки. Ту, которую можно было кинуть в любой момент

и не получить сдачи.

Вот только Олег сильно ошибался, рассчитывая на взаимность. Той Юли больше не существовало. Но объяснять ему это, тратить силы и нервы я не собиралась, если не идиот, сам вскоре всё поймёт.

А потом он всё же позвонил детям.

Я узнала об этом от Лёшки. Сын пришёл со школы, бросил рюкзак в коридоре и сказал, не глядя на меня:

— Папа звонил.

Он произнёс это так, как говорят «контрольную перенесли» — буднично, без эмоций. Но я заметила, как он стоит: плечи чуть приподняты, руки в карманах, подбородок вниз. Двенадцатилетний мальчик, который изо всех сил старался выглядеть равнодушным.

— И что сказал?

— Хочет встретиться в эту субботу. Погулять, типа.

— А ты?

Лёшка угрюмо пожал плечами.

— Мам, я согласился, потому что мне есть, что ему сказать. Выговориться хочется. Буквально полчаса посидим с ним, а после ты нас заберёшь, ладно?

Соня отреагировала иначе. Прямо, открыто, как умеют только дети, которые ещё не научились прятать чувства за пожатием плеч.

— Мама, папа приедет! Он мне сам позвонил, сказал, что скучал!

Она радостно прыгала по кухне, а я смотрела на неё, а внутри что-то сжималось от неприятия ситуации. Но тем не менее я не стала ей ничего говорить, выставлять Олега в неприглядном свете, это мелочно и мне претило. Просто ждала субботы. И он-таки приехал за детьми.

Звонок в дверь, я открыла. На пороге стоял Сомов с двумя пакетами. В одном торчала коробка большого лего-набора, в другом плюшевая игрушка для Сони.

— Привет, — сказал он и заглянул мне за плечо, в прихожую.

— Привет. Дети собираются.

Бывший кивнул, потоптался на площадке. Впервые за всё время, что я его знала, Олег выглядел неуверенно. Не в костюме за двести тысяч, не в переговорной Минстроя, а тут, на лестничной клетке, с пакетами подарков, которыми пытался компенсировать три года молчания.

Первой выбежала Соня. Увидела отца, замерла на секунду, потом бросилась к нему и обхватила руками за пояс. Олег присел, обнял её, и я увидела, как у него дрогнуло лицо. И вроде даже как-то искренне. Дочка уткнулась ему в плечо и стояла так, не шевелясь, несколько секунд.

Лёшка вышел последним. Кроссовки, куртка, руки в карманах. Посмотрел на отца исподлобья.

— Привет, — буркнул он.

— Здравóво, Лёш. Ты вырос.

— Бывает.

Олег улыбнулся. Протянул руку для пожатия, Лёшка посмотрел на неё, помедлил и прошёл мимо, не коснувшись.

— Мы в кафе на углу Бауманской, — бросил сын через плечо. — Мам, через полчаса.

Они ушли. Соня схватила отца за ладонь. Лёшка шёл впереди, всё так же держа руки в карманах. Я стояла у окна и смотрела, как они садятся в машину. Потом убрала со стола, протёрла плиту, переоделась. Делала всё на автомате, поглядывая на часы.

Через двадцать минут вышла из дома и пошла в кафе, находившееся в соседнем квартале. Подошла к кафе, заглянула через стеклянную витрину и увидела детей.

Олег расположился напротив них, откинувшись на спинку стула. Перед ним стоял нетронутый кофе. Лёшка сидел прямо, как на экзамене, подавшись вперёд. Соня рядом с братом, прижав к себе плюшевого медведя, и глядя в стол.

Я толкнула дверь, прошла к их столику и услышала как двенадцатилетний мальчик выговаривал отцу:

— ... ты в курсе, что мама первый год спала по четыре часа? Что она работала ночами напролёт, чтобы купить нам еду? Ты знаешь, что у нас не было стиральной машинки и она стирала руками? А я ходил в школу и пах... Неприятно пах, короче... надо мной смеялись...

Олег молчал, не зная, что сказать.

— Ты тогда нас скинул, как мусор, потому что твоя Жанна не хотела спотыкаться об игрушки. Я слышал, как она тебе

это говорила, пап. Я всё слышал. Мне было семь лет, но я и тогда дураком не был и всё запомнил.

Лёшка меня не видел, он смотрел на отца, и в его взгляде было столько всего, что у меня перехватило горло.

Соня тихо плакала, прижимая медведя к лицу, её тоненькие плечи мелко вздрагивали.

— А ты платил нам девять тысяч алиментов, — продолжал напирать Лёша. — Девять тысяч, пап. При этом сам ездил в Сочи, покупал машины, а мама выбирала между дешёвым молоком, и ещё дешевле. Я это видел. Я всё видел.

Сомов покраснел, я заметила, что его руки, лежавшие на столе, сжались в кулаки.

— И теперь ты пришёл с подарками, типа всё нормально, давайте погуляем. Лего принёс. Пап, мне двенадцать лет. Я не маленький, мне не лего нужно.

— А что тебе нужно? — тихо спросил Олег.

— Мне нужно, чтобы ты извинился. Не передо мной, перед мамой. За всё. А потом отвалил. Мне можешь не звонить, я не хочу тебя ни видеть, ни слышать. У меня только один родитель, и это мама. Сонька, — мальчик посмотрел на сестрёнку, — а ты решай за себя сама. Я всё сказал.

В кафе было тихо. За соседним столиком женщина с ноутбуком перестала печатать и, шокированно раскрыв глаза, с осуждением смотрела на Сомова. Бариста замер с кружкой в руке.

Я сделала ещё один шаг вперёд и Лёшка наконец-то меня

заметил.

— Мам, — улыбнулся он, — мы закончили.

Соня подняла заплаканное лицо, увидела меня и выско-чила из-за стола. Обхватила меня за талию, уткнулась в жи-вот. Медведь упал на пол. Я подняла его, погладила дочку по голове и посмотрела на Олега. Он сидел, не шевелясь. Лицо его стало серым. Полагаю, ему было стыдно.

— Юля, — начал он.

— Не сейчас, — остановила его я. — Дети, одевайтесь, идём домой.

Лёшка встал, застегнул куртку. Прошёл мимо отца, вышел наружу, ни разу не оглянувшись.

Мы покинули здание следом за ним. Начал накрапывать мелкий дождь. Соня держала меня за руку, медведя прижи-мала к груди. На полпути к дому сын вдруг негромко сказал, глядя себе под ноги:

— Мам, прости, что я так поступил. Понимаю, отец стар-ше, уважение и всё такое... Но я три года всё это держал в се-бе, мечтая однажды посмотреть ему в глаза и высказаться...

Я взяла его за руку, сжала.

— Ты всё сделал правильно, — кивнула я. — Такое нельзя держать в себе. Ты умница. И самый замечательный сын на свете.

Глава 7

После сцены в кафе Олег притих. На совещаниях садился всё так же напротив, но больше не задерживался у дверей, не писал в мессенджер, не предлагал кофе. Вопросы задавал строго по делу, голосом ровным и нейтральным, как диктор прогноза погоды. Будто тот разговор с двенадцатилетним сыном наконец ему что-то объяснил.

Я заметила эту перемену, но расслабляться не стала. Люди вроде Олега не меняются, они адаптируются. Сегодня отступил на шаг, завтра зайдёт с другой стороны. Я знала этот рисунок: четырнадцать лет в браке учат распознавать манёвры.

Две недели прошли спокойно. Проект двигался, чертежи множились, зоологи из Московского зоопарка прислали уточнённые требования по вольерам для крупных кошек, и мы с Дашей трое суток переделывали секцию «Хищники», потому что выяснилось, что амурскому тигру нужно втрое больше пространства, чем мы заложили изначально. Нормальная рабочая рутина, в которой я чувствовала себя на своём месте.

А потом пришла спецификация по ограждениям биома «Саванна».

Я открыла файл утром, с кофе в руке, и сначала не поняла, что именно не так. А потом как поняла...

Материал ограждений был изменён. Вместо кортеновской

стали, которую я закладывала в проект — атмосферостойкой, с благородной ржавой патиной, идеально вписывающейся в ландшафт, — стояла обычная оцинковка. Дешевле, проще, и выглядит как забор вокруг промзоны. Но это фигня. Беда в том, что в смете цена позиции осталась прежней. Кортоновская сталь стоит примерно вдвое дороже оцинковки. Разница в миллионы рублей. И эти миллионы уходили в никуда.

Я позвонила в «НордСтрой». Трубку взял не Олег, а начальник сметного отдела, некто Федосеев, с вкрадчивым голосом и привычкой начинать каждую фразу со слова «понимаете».

— Понимаете, Юлия Захаровна, основной поставщик кортена снят с производства. Мы были вынуждены оперативно найти замену. Качество не пострадает, это согласовано с нашим инженерным отделом.

— С каким поставщиком вы работали?

— Сейчас не могу сказать навскидку, но уточню и перезвоню.

Он не перезвонил. Я проверила сама. Три поставщика кортоновской стали в Москве, все работают, все готовы поставить в течение месяца. Никто ничего не снимал с производства.

Я написала официальное письмо. Накатала на полстраницы, с требованием вернуть исходную спецификацию и обоснованием по каждому пункту. Копию отправила Ковалёву в

Минстрой, не потому что хотела жаловаться, а потому что хотела оставить след. Бумажный след. Этому меня научила «Панорама»: всё, что не зафиксировано, не существует.

Ответ пришёл через два дня. «Замена отменена, приносим извинения за техническую ошибку». Подпись Федосеев.

Техническая ошибка. Я прочитала эти два слова, закрыла письмо и посмотрела в окно. За стеклом шёл снег, первый в этом году. Техническая ошибка на несколько миллионов рублей. Да-да, конечно. Я так и поверила.

Через три недели Ренат постучал в мой кабинет. Вернее, в мой угол за перегородкой, который мы оптимистично называли кабинетом. Он вошёл с ноутбуком под мышкой и с говорящим выражением на лице: не сходится.

— Юлия Захаровна, можно на минуту?

— Садись.

Он развернул ноутбук и показал таблицу. Три столбца: позиция, расценка «НордСтроя» и рыночная расценка.

— Субподрядчик по земляным работам, «ГрунтСервис». Они выставили расценки на тридцать семь процентов выше рынка по грунтовым работам. По бетону – двадцать девять. По арматуре – сорок один.

— Может, у них уникальная технология? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Ренат скептически посмотрел на меня поверх ноутбука.

— Юлия Захаровна, у них уставный капитал десять тысяч рублей и регистрация восемь месяцев назад. У них нет тех-

нологии, но есть наценка.

— Откуда информация по регистрации?

— ЕГРЮЛ. Открытые данные. Учредитель Петров Д.В. В интернете о нём ничего, кроме ИНН. Адресом компании указан какой-то подвал на Лиговском в Питере.

Он помолчал и добавил тихо:

— Это не ошибка, Юлия Захаровна. Это некая отлаженная система.

Система. Слово упало, как камень в колодец, и пошли круги по воде. Я услышала эхо пятилетней давности: подрядчики, которых подбирал Дроздов, завышенные сметы, деньги, уходящие по цепочке фирм-однодневок. Тогда я ничего не заметила. Была слишком занята «Речным», детьми, сметами, которые не сходились. А теперь стала замечать, чувствовать нутром, что что-то не так.

— Ренат, спасибо. Оставь мне таблицу. И никому пока ни слова.

Он кивнул, закрыл ноутбук и вышел. У двери обернулся.

— Юлия Захаровна, я не лезу не в своё дело. Но будьте осторожны.

Я благодарно ему кивнула. Ренат ушёл, тихо прикрыв дверь, а я осталась сидеть перед экраном с его таблицей и чувствовала, как внутри поднимается что-то знакомое. Не просто страх, а холодок очень похожий на тот, что полз по моей коже в кабинете Геннадия Павловича, когда Тёмкин из «Гранит-Инвест» положил передо мной копии документов с

моей электронной подписью.

Только теперь я знала, что делать со всеми своими ощущениями, чтобы вновь не попасться на ту же удочку.

Вечером, когда все ушли, я осталась в офисе одна. Дарья тоже хотела задержаться, у неё было чутьё на мои «рабочие вечера», после которых обычно менялись приоритеты, но я отправила её домой. Мне необходимо было остаться в полном одиночестве.

Открыв сайт ФНС, вбила «ГрунтСервис» в строку поиска ЕГРЮЛ и начала читать. Потом открыла «СтройЛогистику» (субподрядчика по логистике, которого «НордСтрой» привлёк месяц назад), затем изучила «МонтажПлюс», проводивший электромонтажные работы.

Три компании и все зарегистрированы в последний год. Уставный капитал у каждой максимально минимальный. Учредителями выступали люди, которых не существовало в публичном пространстве. Ни сайтов с упоминаниями в прессе, никаких профилей в социальных сетях. Чистые фантомы.

Потом я пробила сам «НордСтрой». Карточка загрузилась, я пролистала до строки «Учредители».

Журавлёв Андрей Павлович — шестьдесят процентов. Сомов Олег Игоревич — сорок процентов.

Моему бывшему мужу принадлежало всего сорок процентов, он являлся заместителем руководителя проекта, который формально не принимает ключевых решений, но сидит на каждом совещании и знает каждую цифру. Тень за спиной

Журавлёва. Тот, кто управляет, не оставляя подписей.

Я задумчиво откинулась на спинку кресла, прижав карандаш к губам. Экран светился в полутёмном офисе, на кухне за стеной монотонно, как метроном, капала вода из плохо закрытого крана.

Потом я вернулась к «ГрунтСервису». Учредителем являлся некто Петров Д.В. Юридический адрес — Лиговский проспект, дом 48, помещение 3Н. Скопировала адрес и вбила его в поиск по ЕГРЮЛ. По этому адресу числилось ещё одиннадцать компаний. Массовая регистрация, типичный признак фирм-однодневок. Но одна из этих одиннадцати компаний была ликвидирована пять лет назад и называлась она «ПанорамаСтрой».

Я щёлкнула на ссылку. Карточка открылась. Дата регистрации, дата ликвидации, вид деятельности — строительные работы.

Учредитель Дроздов Виктор Сергеевич.

Я перестала дышать, мысли заметались. Потом медленно выдохнула, как учат на курсах первой помощи, когда нужно справиться с шоком.

Дроздов Виктор. Тот, кто вывел восемьдесят шесть миллионов через «Панораму» и улетел в Черногорию «на лечение». Тот, из-за кого я продала родительскую квартиру, дачу, машину. Из-за кого я пять лет платила Меньшикову по полмиллиона в месяц. Его ликвидированная фирма зарегистрирована по тому же адресу, что и «ГрунтСервис», субподряд-

чик «НордСтроя». Компании, соучредителем которой является мой бывший муж.

Глава 8

Случайность? Лиговский, 48 – это массовый адрес, через него наверняка прогнали сотни фирм. Мало ли кто зарегистрировался по одному адресу?

Но я не верила в случайности, уж точно не после «Панорамы».

Резко захлопнув ноутбук, огляделась. Офис был тёмный, только аварийный выход светился зелёным над дверью. Посидела так минуту, слушая, как капает кран и гудит холодильник. В голове сами собой выстраивались цепочки: Дроздов — «ПанорамаСтрой» — ликвидация — тот же адрес — «ГрунтСервис» — «НордСтрой» — Олег. Звенья одной цепи, или мне мерещится? Пять лет назад я не увидела связей, которые были у меня перед глазами. Подписывала документы, верила партнёру и мужу. Теперь я смотрела на экран потухшего ноутбука и думала: а что, если я снова чего-то не вижу? Что, если это только верхушка?

И тут же произнесла вслух одними губами:

— Опять.

Но в голосе не было растерянности, лишь злость и холодный расчёт. Я готова к борьбе, я не буду биться головой о стену, я открою реестр юридических лиц и вчитаюсь в мелкий шрифт, даже если мне придётся изучать сотни документов ночи напролёт.

Я достала телефон и набрала Марченко. Он ответил на третий гудок. Десять вечера, но Игорь Валентинович, как я уже знала, работал допоздна. У людей его профессии рабочий день заканчивался, когда заканчивались проблемы клиентов, то есть никогда.

— Юлия Захаровна, добрый вечер. Как вы? Что-то случилось?

И я, будто нырнув головой в омут, рассказала ему всё, что только что выяснила. Коротко, по пунктам, как привыкла на совещаниях: замена материалов, завышенные расценки, фирмы-однодневки. «НордСтрой», «ПанорамаСтрой», сказала и о том, что, возможно, Олег и Дроздов были знакомы задолго до «Панорамы».

Марченко, не перебивая, внимательно меня выслушал. Я слышала, как он дышит в трубку, ровно и глубоко, как человек, который привык вбирать в себя чужие катастрофы и раскладывать их по полочкам. Когда я закончила, он помолчал секунд пять и спросил:

— Юлия Захаровна, вы понимаете, на чём сидите?

— Понимаю.

— Четыре с половиной миллиарда – это вам не «Панорама». Это федеральный масштаб. Если схема такая, как вы описываете, речь идёт о хищении бюджетных средств в особо крупном размере. Статья сто пятьдесят девятая, часть четвёртая. До десяти лет без вариантов.

— Я всё понимаю, — зажмурившись, прошептала я. Ещё

бы не понимать. По этой статье меня когда-то хотели посадить.

— Вопрос вот в чём, — спокойно продолжил Марченко. — Сейчас у вас совпадение адресов и завышенные расценки. Это много для подозрений и мало для дела. Прокуратуре нужны документы, финансовые потоки, доказательства связи между участниками. Желательны переписки, переводы, хотя бы косвенные свидетельства того, что эти фирмы управляются из одного центра. Если вы пойдёте с этим сейчас, «НордСтрой» подчистит всё за неделю, а вас выставят скандалисткой, которая мстит бывшему мужу. Вы останетесь с жалобой и без работы. И без репутации, которую пять лет восстанавливали.

Последние слова попали точно в цель. Каждый проект в течение этих непростых лет был кирпичиком в стену, которая всё сильнее отделяла меня от прошлого. Если «НордСтрой» развернёт историю против меня, стена рухнет, и в этот раз завалит меня так, что костей не соберу.

— Что предлагаете? — я взяла себя в руки, не время паниковать.

— Собирать информацию, аккуратно фиксировать каждую нестыковку. Копировать документы, сохранять переписку, фотографировать всё, к чему у вас есть легальный доступ. Не давать им повода заподозрить, что вы что-то там копаете. Вы проектировщик, у вас есть законное право запрашивать любую документацию по проекту, так пользуйтесь

этим правом в полном объёме. И ещё, Юлия Захаровна...

— Да?

— Будьте осторожны с бывшим мужем. Если он связан с Дроздовым, то визиты к детям и вежливые вопросы на совещаниях – это не попытка наладить отношения. Это контроль над вами, он хочет быть рядом, чтобы видеть, что вы знаете и чего не знаете. Люди, которые ворочают такими деньгами, не ходят к бывшим жёнам из ностальгии. Тем более к тем женщинам, которых однажды, уж простите, кинули на самое дно.

Я помолчала, переваривая услышанное. За окном безразличная к моей судьбе шумела вечерняя Москва.

— Игорь Валентинович, я один раз уже была жертвой. Второй раз уж точно ею не стану.

— Я на это и рассчитываю, — по голосу поняла, что мужчина улыбается. — Звоните, когда будет что-то новое. В любое время.

Попрощавшись, положила трубку, встала, оделась, заперла офис и вышла на улицу. Декабрьский воздух обжёт лицо, и я остановилась на секунду, вдохнула глубоко, медленно выдохнула. Шла к метро, и в голове крутились не чертежи и не спецификации, а два слова, которые меняли всё.

Олег знал. Не мог не знать Дроздова. «ПанорамаСтрой», теперь «ГрунтСервис» по тому же адресу, и всё это – в орбите его компании. Конверт с разводом на одиннадцатый день, который был слишком хорошо подготовлен для человека,

«только что узнавшего о проблемах жены». Аргументы, выстроенные как презентация. Госконтракты, комплаенс, приставы опишут имущество. Всё было заранее продумано. Я вспомнила его лицо тогда, в гостиной: спокойное, деловитое, ни тени сомнения. Так выглядит человек, который всё тщательно отрепетировал.

Пять лет я считала, что Олег меня просто бросил из трусости, что испугался, когда запахло уголовным делом, и решил спасти себя. Трусливый и расчётливый, но не злой. Просто слабый человек, выбравший безопасность.

А если не трусость? Если расчёт? Если он знал про схему Дроздова, потому что был её частью? Если развод был не бегством, а зачисткой?

Я спустилась в метро, прислонилась к холодному мрамору колонны и стояла так, пока не подошёл поезд. Вошла в вагон, села и устало закрыла глаза. Напротив смеялись две девушки, где-то в конце вагона мужчина громко разговаривал по телефону. Обычный вечер обычного города, в котором обычная женщина ехала домой с необычным знанием.

Дома дети уже спали. Сын забыл выключить свет в комнате, на столе лежал раскрытый учебник по математике. Дочка уснула, обняв плюшевого медведя. Я постояла в дверях её комнаты, глядя на дочку, на медведя... И тут я отчётливо поняла, что нисколько не сожалею о том, что когда-то вышла замуж за Сомова, просто потому, что иначе у меня бы не было ни Лёшки, ни Сони. Эти двое – единственное хорошее,

что осталось от четырнадцати лет брака. Всё остальное можно было вычеркнуть.

За всё остальное я буду мстить.

Прошла на кухню, достала телефон и открыла папку, которую завела в первый год после развода. Скриншоты переводов от Олега, так называемые алименты.

Когда-нибудь эта папка пригодится, я говорила себе это, сидя на раскладушке у Наташи, стирая Лёшкины рубашки руками, считая копейки до зарплаты. Тогда это было утешение, мантра, слова, за которые цепляешься, чтобы не утонуть. Теперь это было ещё одним моим оружием.

Я закрыла телефон, выпила кефир, затем выключила свет на кухне и пошла спать.

Сон не шёл. Я лежала в темноте и думала о том – почему? Не как... Как я уже поняла, схема сегодня стала кристально ясна. А именно: почему Олег так со мной поступил?

Мы прожили вместе четырнадцать лет. Я родила ему двоих детей, которые ему, как оказалось, были вовсе не нужны. Готовила ужины, гладила рубашки и ждала из командировок. Когда его первый бизнес прогорел, я работала за двоих, пока он приходил в себя. Когда у него не получалось, я верила в него, поддерживала. Да, безусловно, я не была идеальной женой, но преданной и честной, всегда рядом. А он взял и подставил не чужого человека, жену.

Раньше я думала, что он бросил меня, потому что струсил. С этой версией можно было жить. Она не разрушала память

о тех годах, когда мы были семьёй.

Теперь эта версия развалилась.

Если Олег состоял в тандеме с Дроздовым, значит, он всё заранее спланировал. Значит, целенаправленно брал мою флешку с моей электронной подписью...

Ради чего он всё это делал? Из-за денег? Да, конечно, из-за них. Но ведь можно было воровать и без меня. Зачем втягивать родную жену?

Озарение было таким чётким, что я даже резко села, уставившись в стену.

Зависть. Многолетняя, разъедающая чёрная зависть к моему успеху. Олег был умный, хваткий, работоспособный. Но, увы, не талантливый. Его проекты не побеждали в конкурсах, его не звали на конференции, заказчики не просили именно его участия.

В то время как меня... Приглашали в самые громкие и перспективные проекты и не только в стране, бывало и за рубежом. И чем успешнее я становилась, тем тише и мрачнее делался Олег. Тем чаще отпускал замечания: «Тебе лишь бы чертить», «Опять на работе до полуночи, а дети с кем?», «Ты у нас гений, куда уж мне». Я списывала это на усталость и старалась не задевать его, лишний раз не обсуждать с ним свою работу, гладить его мужское эго по шёрстке.

Я снова легла, подтянула одеяло до подбородка.

Деньги и зависть. Два мотива, которые объясняли всё.

Послезавтра рабочий понедельник. Совещание назначено

на десять утра. Олег будет сидеть напротив и с умным видом задавать грамотные вопросы. А я буду улыбаться, кивать и собирать доказательства. Документ за документом, файл за файлом. Методично и скрупулёзно.

В этот раз охотник я, и добычу свою ни за что не упущу.

Глава 9

Утро понедельника пахло крепким эспрессо и новой кожей папки-органайзера. В зеркале в прихожей на меня смотрела женщина, которую я едва узнавала, но которая мне чертовски нравилась. Темно-синий пиджак с идеальной линией плеча, волосы, собранные в тугий узел, и холодный, как лёд, взгляд. Когда-то совещания для меня были чем-то обыденным, форма отчёта о проделанной работе. Сегодня же я шла туда за кровью, спрятанной под вежливыми формулировками проектной документации.

— Мам, ты сегодня как капитан космического корабля,
— заметил Лёшка, жуя тост.

— О да, сынок. Сегодня у меня стыковка с новой реальностью, — я чмокнула его в макушку. — Соня, кашу обязательно доешь.

Дети оба учились в первую смену и в одной школе, поэтому Лёшка водил сестрёнку сам.

В Минстрой я приехала за пятнадцать минут до начала. Зал совещаний встретил меня привычным гулом: шуршание бумаги, тихий звон ложечек о фарфор, негромкий баритон Ковалёва. Олег уже был там, сидел, откинувшись на спинку кресла, и что-то обсуждал с представителем экологической экспертизы. Когда я вошла, он на секунду замолчал. Его взгляд скользнул по моему лицу, по новому пиджаку, за-

держался на руках, выкладывая ноутбук. В этом взгляде была смесь животного интереса и едва заметного беспокойства.

— Юлия, — он кивнул, изображая светскую вежливость.

— Олег, — ответила я, не удостоив его даже подобием улыбки.

Совещание началось стандартно с обсуждения логистики подвоза материалов и графика бетонирования фундамента, но когда очередь дошла до раздела земляных работ, я мигом внутренне подобралась.

— У меня есть уточнение по субподрядчику «ГрунтСервис», — деловито заговорила я, открывая файл с таблицей Рената. — Я внимательно изучила их последние отчеты по выемке грунта и укреплению откосов.

В зале стало тише. Ковалёв поднял на меня заинтересованный взгляд:

— Какие-то проблемы, Юлия Захаровна? Концепция «Зоопарка будущего» предполагает сложный рельеф, мы знали, что земляные работы обойдутся нам дорого.

— Вопрос не в сложности, а в прозрачности, — я вывела график на большой экран. — Согласно нашему проекту, объем перемещаемых масс в зоне сектора «Азия» на двенадцать процентов ниже того, что заявляет «ГрунтСервис». Кроме того, расценки на аренду спецтехники в их смете превышают рыночные показатели почти на сорок процентов. Я, как автор проекта и лицо, осуществляющее авторский над-

зор, не могу завизировать эти акты без детального аудита.

Я специально не смотрела на Олега, но боковым зрением видела его руки. Он взял свою дорогую ручку «Монблан» в серебряном корпусе и начал интенсивно крутить её между пальцами. Сначала медленно, потом всё быстрее. Перехват, поворот, щелчок колпачка. Этот жест был его «детектором лжи». Он делал так всегда, когда почва уходила у него из-под ног: когда провалил свой самый первый тендер, когда объяснял мне, почему мы должны развестись «ради детей».

— Юлия Захаровна, — в голосе Олега зазвучали металлические нотки, — мы работаем в условиях сжатых сроков. «ГрунтСервис» – проверенный партнёр, они гарантируют качество. Излишний бюрократизм и аудиты сейчас просто остановят стройку. Вы же понимаете, что простой техники влетает государству в копеечку?

— Я понимаю, что государству в копеечку влетает раздутая смета, — парировала я, не мигая, глядя прямо ему в глаза. — Если партнёр «надёжный», то проверка первичной документации займет не более двух дней. Или у «НордСтроя» есть причины опасаться независимого аудита?

Ковалёв нахмурился. Он не любил конфликты, но ещё больше не любил, когда в его ведомстве пахло проверками из прокуратуры.

— Олег Игоревич, подготовьте расширенную ведомость по «ГрунтСервису» к среде. Юлия Захаровна права, в таком масштабном проекте мы не можем позволить себе даже тени

сомнений.

Сомов кивнул, но ручку не выпустил. Его пальцы побелели от напряжения. В этот момент я поняла: он не просто злится, он напуган...

Домой я вернулась выжатая, как лимон. Голова гудела от цифр и напряжения, которое висело в зале совещаний до самого конца. Всё, чего я хотела – это душ и тишина.

Но тишины не случилось. В прихожей стояли три пары обуви: детские ботинки и... изящные кожаные сапоги на невысоком каблуке. В нос ударил густой, приторный аромат духов, которые я когда-то называла «запах свекобры».

— Мама, бабушка приехала! — Соня вылетела в прихожую, держа в руках плюшевого медведя, подаренного Олегом.

— Юлечка, дорогая, ты так поздно! — из кухни величаво выплыла Галина Петровна собственной персоной. На ней был жемчужный гарнитур и выражение лица «я здесь хозяйка положения». — Я вот не выдержала, соскучилась по кроvinочкам. Приехала на пару дней из Питера. Ты ведь не против?

Я застыла, не снимая пальто. За все пять лет она ни разу даже не позвонила. И надо же (что неудивительно), она, оказывается, переехала поближе к сыночку.

— Здравствуйте, Галина Петровна. Неожиданно. Должна заметить, весьма. Могли бы предупредить.

— Ах, ну сюрприз же! — она всплеснула руками. — Про-

ходи, дорогая, я там ужин сообразила. Сонечка мне помогла.

Я всё же отмерла и сняла верхнюю одежду, скинула обувь, прошла к себе, чтобы переодеться в домашнее, параллельно заглянула в комнату к Лёшке.

— Привет, как дела?

Сын сидел за столом и делал уроки, заметив меня, тихо сказал:

— Она заявила неожиданно, я даже не сразу её узнал, но выгнать не смог, как-никак бабушка. Но и сидеть с ней рядом желания у меня нет, — нервно дёрнул плечом он. — Мама, выпроводи её, пожалуйста, от её щебета у меня голова разболелась, — попросил он.

Я понимающе хмыкнула и оставила его одного.

Весь ужин я чувствовала себя как на допросе. Галина Петровна щебетала о погоде в Петербурге, о том, как Олег много работает, какой он стал серьезный и... «одиноким». Что Жанна его бросила ради какого-то иностранца и укатила за рубеж.

— Знаешь, Юля, он так изменился. Понял, какую ошибку совершил. Мужчины, они ведь как дети, сначала ломают игрушку, а потом плачут над осколками. Он так хочет всё исправить... Ради детей в первую очередь.

Я молча жевала безвкусный салат и задумчиво-отстранённо на неё смотрела.

— Галина Петровна, Олег ведь не безногий, добраться до

аэропорта и прилететь в Москву для него не составило бы труда. При желании. В конце-концов телефон никто не отменял, можно было просто позвонить. Если бы он действительно хотел, то давным-давно объявился бы и вымолил прощение у родных детей.

— Ой, ну что ты сразу в штыки! — она недовольно поджала губы. — Я же по-доброму. Вот и Олег Сонечке медведя подарил, чтобы она знала – папа всегда рядом.

«Папа всегда рядом». Я медленно положила вилку на край тарелки. Посмотрела на Соню — дочка ковыряла картошку и прижимала медведя локтем к боку, как будто боялась, что кто-то его заберёт. Потом посмотрела на сына, сидевшего в наушниках и не обращавшего на бабушку никакого внимания, затем перевела взор на Галину Петровну. Та улыбалась, довольная собственной фразой, как актриса, отыгравшая удачную реплику.

Я промолчала. Не потому что нечего было сказать, а потому что за столом сидели мои дети, которые не должны слышать, как взрослые разносят друг друга в клочья.

Вскоре дети, сказав, что наелись, вышли из кухни, я подождала, пока щёлкнут двери в их комнаты и тоже встала, чтобы закрыть кухонную дверь, после чего вернулась к столу.

Галина Петровна почувствовала перемену мгновенно. Её улыбка дрогнула.

— Юлечка, я...

— Теперь послушайте меня, — начала я, и голос мой был

таким ровным и тихим, что свекровь осеклась на полуслове. — Послушайте внимательно, потому что я скажу это один раз.

Она выпрямилась, рефлексивно вцепилась в салфетку. Я не повышала тон. Мне не нужно было кричать. За пять лет я научилась разговаривать так, что люди реагировали сразу.

— Вы приехали без предупреждения. Зашли в мой дом, пока меня не было. Сели за мой стол, приготовили ужин на моей кухне. И теперь сидите здесь и продаёте мне своего сына, как коммивояжёр, который пришёл впарить пылесос. «Олежек изменился», «Олежек одинокий», «Олежек хочет исправить». Я всё это терпеливо выслушала только потому, что дети были рядом, но они ушли.

Свекровь открыла рот, но я не дала ей вставить ни звука.

— Вы хотите, чтобы я выслушала Олега? Хорошо, давайте я расскажу, что мне уже известно про вашего Олеженьку, и вы сами решите, стоит ли мне его выслушивать. Пять лет назад ваш сын подал на развод после того, как на меня повесили чужое уголовное дело. Он воткнул мне в спину нож и провернул его.

Свекровь побледнела, она явно не ожидала такого напора от привычно тихой, удобной Юлечки.

— Юля, ты сейчас на эмоциях...

— Я сейчас абсолютно спокойна. И продолжу, если не возражаете. Ваш сын оформил себе минимальный доход, чтобы платить копеечные алименты. Девять тысяч рублей на двоих

детей. Галина Петровна, как считаете, ваши внуки должны были есть макароны через день, чередуя с гречкой, или всё же нормально питаться, добавляя в рацион хорошее масло и мясо? А?

— Я не знала про алименты, — тихо пробормотала она, резко побледнев. — Олеженька говорил, что платит честь по чести.

— Не знали... Вы вообще много чего не знали, и это очень удобная позиция. Вы закрывали глаза, чтобы не думать о каких-то проблемах, которые могли бы добавить вам седины в волосах, морщин на лице, не так ли? Не вижу проблемы равно нет проблемы. Ни разу, Галина Петровна, вы не позвонили внукам. Не прислали ни одной открытки на дни рождения. Все пять лет вам было глубоко наплевать живы ли ваши внуки! А теперь вы сидите на моей кухне и говорите мне «выслушай Олеженьку, он изменился».

Я сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

— Так вот, Галина Петровна. Я вам сейчас скажу то, что вы передадите своему сыну. Слово в слово, ничего не перевирая. Я не собираюсь его выслушивать. Не собираюсь давать ему никаких шансов и делать вид, что прошлого не было тоже не собираюсь! Если ему есть что сказать детям, пусть говорит детям, а не присылает мамочку с мандаринами. Сомов уже большой дядя, а за него до сих пор ходит мама и договаривается. Вам самой не стыдно?

Вот тут Галина Петровна покраснела. Краска залила её

лицо от шеи до корней волос. Она судорожно схватилась за жемчужные бусы на шее, будто они её душили.

— Юля! Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне?! Отчитывать меня как... как... Я... Я не позволю так с собой! Не желаю тут оставаться, ноги моей тут больше не будет! — голос свекрови дрожал и срывался, она вскочила и как ошпаренная вылетела из кухни, её руки тряслись, она всё никак не могла попасть в рукав пальто. — Ты всегда была неблагодарной! Олег тебя из грязи вытащил, а ты...

— Олег меня в грязь и толкнул, — тихо перебила я. — Вытащила я себя сама. Я не желаю вас больше видеть. Никогда.

Она наконец справилась с пальто, подхватила сумку, знатно стукнулась плечом о дверной косяк и вылетела на лестничную клетку. Дверь хлопнула так, что звякнуло зеркало в прихожей. Я слышала, как её каблуки дробно простучали вниз по ступеням, сбиваясь с ритма на каждом пролёте.

Из комнаты вышел Лёшка. Встал напротив, засунув руки в карманы, посмотрел на меня и спросил:

— Ты ей вкатила?

— Вкатила.

— Круто, — улыбнулся он и вернулся к себе.

Через полчаса, когда дети уже уснули, а в квартире стояла блаженная тишина, я сидела на кухне, потягивая горячее какао. Адреналин схлынул, и на его место пришло другое чув-

ство – сосредоточенная, зудящая тревога.

В голове назойливо крутилась фраза, произнесённая бывшей свекровью: «Папа всегда рядом».

Рядом...

Сердце пропустило удар, я резко встала, прошла в Сонину комнату. Дочка сладко спала, медведь лежал рядом на подушке, уткнувшись мордой ей в плечо.

Я стояла в дверях и смотрела на него. Плюшевый, мягкий, с дурацкой нашитой улыбкой и чёрными пуговицами глаз. Обычная игрушка. Или нет?

Меня обуяла паранойя?

Вернулась на кухню и набрала в поисковике: «прослушка в мягких игрушках, микропередатчик GSM». Загрузились десятки ссылок. Интернет-магазины, форумы детективов-любителей, статьи. Устройство размером с двухрублёвую монету, вшивается в набивку. Работает через SIM-карту, набираешь номер и слушаешь всё, что происходит в комнате. Автономная работа до семи суток. Цена от трёх до пяти тысяч рублей.

За три тысячи рублей можно подслушать, о чём я говорю по телефону, что обсуждаю с коллегами, какие цифры называю вслух, сидя вечером над таблицами. Я ведь часто работаю дома. А Соня таскает медведя по всей квартире. По сути медведь был везде, где была я.

Я закрыла браузер, допила остывшее какао и приняла решение. Завтра в обед я зайду в магазин электроники на Ба-

уманской, куплю портативный детектор радиочастот. Вечером, когда дети уснут, проверю медведя. А заодно всю квартиру.

Если ничего не найду, значит, я становлюсь параноиком и мне пора к психологу. Если найду, значит, человек, который когда-то пел моей дочери колыбельные, подсунул ей в игрушку жучок, чтобы контролировать её мать. Значит, он боится. И боится он меня.

Я выключила свет, проверила замок на входной двери, зашла к Соне поправить одеяло. Медведь лежал на подушке и смотрел в потолок пуговичными глазами. Дочка улыбалась во сне.

— Спи, солнышко, — прошептала я. — Мама со всем разберётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.